



Было очень рано. Зарождающийся на горизонте свет с трудом освещал кухню сквозь небольшие окна, но Мэйлинь знала это помещение так хорошо, что могла ориентироваться здесь даже в кромешной темноте.

Сегодня она пришла первой. С тех пор, как ее семья покинула родные края и перебралась в Синтору, ей плохо спалось, но, когда все же удавалось заснуть, во снах Мэйлинь часто видела близкое сердцу море: оно успокаивало своим шумом. Волны накатывали на берег, то выбрасывая камни, то вновь утягивая их обратно. Крупная галька терлась плоскими боками друг о друга, поблескивая в лучах яркого солнца, и тоска по дому становилась менее мучительной. Но сегодня море во снах было охвачено штормом: таким неистовым и грозным, что Мэйлинь проснулась с чувством тяжести в груди. Понимая, что ей уже не уснуть, она собралась и отправилась на работу.

Подол юбки зашуршал, нарушая тишину на кухне. Мэйлинь присела возле печи, взяла немного соломы, закинула ее к аккуратно положенным в устье поленьям и высекла огонь, поджигая сухую траву. Пламя тут же осветило ее лицо.

В родном доме, в провинции Сэя, не было такой роскошной и удобной для приготовления пищи печки.

Сэя была небогатой областью, промышленяющей торговлей рыбой, выращиванием простых культур и продажей рабов. И семья Мэйлинь жила бедно, как и сотни других сэянцев, занимаясь морским промыслом: отец с братом ловили рыбу, а Мэйлинь с матерью были ныряльщиками за губками, моллюсками, ракушками и, если повезет, жемчугом. По закону провинции море и все, что в нем находилось, принадлежало правителю Сэи, поэтому с продажи любого улова платились налоги, а найденные сокровища, жемчуг и особо ценные раковины следовало отдавать местному главе поселения. Вот и выходило, что зарабатывать получалось лишь продажей рыбы, моллюсков и губок — чего и так у каждого жителя Сэи было предостаточно, поэтому цена на них была ничтожная, а после уплаты налогов и вовсе крохотная. Когда Мэйлинь приехала в Синтору, которая не имела выхода к морю, и увидела, сколько тут стоит морская рыба, она поняла, как сильно их обманывали торговцы, скупающие у сэянцев улов.

Еще одним огорчением для Мэйлинь стало отношение синторцев к таким, как она. Многие жители считали сэянцев грязным и неотесанным народом, а слыша сэянский акцент, недовольно цокали или вовсе отворачивались. Пусть за пять лет пребывания в Синторе Мэйлинь освоила местный язык лучше и быстрее своих родителей, все равно никак не могла полностью избавиться от грубых шипящих звуков в словах.

Поэтому ее не допускали обслуживать гостей второго этажа, чтобы не портить им настроение. Ведь о таких постояльцах ходили слухи, что среди них иногда встречались высокородные, которые по разным причинам скрывали свои имена и тайно останавливались в этой части города. Кто знает, чей гнев может обрушиться на хозяйку гостиницы только за то, что ее слуга произнесет приветствие с акцентом «грязного» народа.

Полено треснуло под натиском огня в печи, и Мэйлинь потянулась за котелком, который уже наполнила водой. Повесив его, она встала и подошла к полкам, чтобы найти сверток с чаем. В гостинице, куда ее взяли на работу пять лет назад, было принято по утрам разносить гостям чай. Для Мэйлинь это до сих пор казалось жутким расточительством. Она привыкла после пробуждения пить простую воду: теплую — чтобы согреться зимой, и охлажденную — чтобы освежиться летом.

— Как замечательно, что ты уже здесь.

На кухню вошла Бию. Она имела должность повыше среди слуг. Ей позволялось обслуживать гостей второго этажа. Там размещали тех, у кого было много денег и связей, в то время как на первом чаще всего останавливались торговцы средней руки, менялы или путешественники, готовые заплатить за хорошую кровать и еду, но не желающие слишком растрачиваться на прочие удобства.

— Я вчера обожгла руку, — Бию скривилась, прижимая ладонью перебинтованную кисть. — Можешь мне помочь?

Мэйлинь часто видела Бию на кухне, когда помогала кухаркам или забирала заказы для подачи их гостям в главном зале, но никогда не общалась с ней близко и мало что знала о ее жизни. Тем не менее, они были в одной лодке.

— Что мне сделать?

— Боюсь, что не смогу донести поднос с чаем, не расплескав. Можешь отнести за меня?

— Не думаю, что это хорошая идея, — Мэйлинь бросила чайные листья в закипевшую воду, — я — ссянка.

— Не переживай, — улыбнулась Бию, — там не надо много разговаривать. Поклонись и молча поставь поднос на стол. Знатные господа по утрам пребывают в скверном расположении духа и предпочитают тишину. Выручи, пожалуйста, меня, я обязательно тебя отблагодарю.

Бию начала быстро собирать на поднос все необходимое для утреннего чаепития: красивые фарфоровые пиалы, сладкое печенье на украшенном цветами блюдечке, чайник и вазу с веточкой цветущей сливы.

Мэйлинь молча кивнула. В конце концов, ее отец всегда говорил, что случайные события могут стать судьбоносными и не стоит так легко разбрасываться выпавшим шансом. Вдруг и в самом деле Бию однажды поможет ей наконец заполучить место на кухне. Тогда ей больше не придется носиться по всей гостинице, обслуживая посетителей. Мэйлинь всегда нравилось готовить, но ей позволяли только чистку овощей и мытье

посуды. Все потому, что у нее не было должного образования, а то, что она умела готовить, не подходило для желудков синторцев.

— Вот, — Бию отдала ей поднос, — второй этаж, третья дверь слева от лестницы. Постучи, тихо войди и поставь на стол. Не глазей на гостя, не задавай вопросов, ничему не удивляйся и ничего не трогай. Все просто! Она улыбнулась и легонько подтолкнула Мэйлинь к выходу из кухни.

Мэйлинь прошла мимо стойки, на которую ставили вынесенные с кухни заказы. Она бросила короткий взгляд на свое отражение в медном сосуде, чтобы убедиться, что прическа не растрепалась, а на лице нет сажки или иной грязи.

Чтобы попасть на второй этаж, необходимо было пройти через центральную трапезную. Вечерами тут собиралось много народу, чтобы выпить, поесть, послушать музыку или полюбоваться танцовщицами. Сейчас же зал пустовал, если не считать одной из служанок, приводящей в порядок столы к приходу гостей, и двух посетителей. Один из них — торговец бусами и кольцами — завсегдатай, который приходил сюда утром, чтобы выпить бодрящего крепкого чая, так как вечерами любил покутить, а утром не мог собрать свои мысли, чтобы сложить их в предложение, что для его профессии было непозволительно. Второго посетителя Мэйлинь не знала. Она лишь на мгновение взглянула на него и поразилась белизне и красоте его лица. Черные брови, молочного цвета кожа и идеальной формы губы. Если бы не его тяжелый взгляд, то

она могла бы надолго залюбоваться, позабыв о своей работе.

«Везет же знатным и богатым девушкам. Им достаются красивые мужчины, в то время как простушкам повезет, если не выдадут за старика. Небось он еще и богатый, а может, даже знатный».

Свой наряд посетитель прятал под плащом, не позволяя оценить его стоимость, но у Мэйлинь, как у многих девушек, был цепкий взгляд, и она сразу заметила, что на ногах юноши красовались узорно вышитые матерчатые сапоги.

Распрощавшись с несбыточными мечтами о том, как прекрасно, должно быть, когда за тобой ухаживает такой красавец, Мэйлинь поднялась на второй этаж. Она отсчитала третью дверь, как сказала ей Бию, вдохнула, проверила, прямо ли держит спину, убедилась, что ее лицо спокойно, и постучала в комнату. Никто не ответил, поэтому, постояв какое-то время, она аккуратно приоткрыла дверь и тихонько зашла внутрь.

В комнате было довольно темно, и Мэйлинь подождала несколько секунд, пока глаза привыкнут, стараясь не морщиться от неприятного аромата. На полу находился странной формы ковер, и Мэйлинь наступила на него, чтобы заглушить свои шаги. Но вместо этого раздался неприятный хлопаяющий звук, словно она по весне угодила в грязевую лужу. Вероятно, это было не до конца засохшее пятно разлитого вина. Но почему оно такое большое? Мэйлинь оторвала взгляд от своего испачканного тапочка и оглянулась по сторонам.

На кровати лежал мужчина: ткань балдахина прикрывало его лицо, но тело хорошо просматривалось даже в полумраке. Оно было облито тем же вином, которое, капля за каплей, стекало на пол. Прошла минута, прежде чем Мэйлинь поняла, что это была лужа... нет, даже целый океан крови.

Мэйлинь выронила поднос, прижав ко рту ладонь, чтобы заглушить вырвавшийся крик. Осознание того, что она сейчас увидела, нахлынуло, подобно той штормовой волне, которую она увидела сегодня во сне. Ее тело покачнулось, а мир померк.





Отец еще утром говорил о том, что бог моря пошлет сильные ветра, которые поднимут высокие волны. Он почувствовал это, когда вышел в предрассветный час из дома, торопя Мэйлинь и ее мать. Они упаковали все свои скромные пожитки в два рогожных мешка. Родители не хотели оставлять ничего, боясь, что на новом месте не сразу получится найти работу. Поэтому даже спальные циновки мать обмотала толстыми шнурами и велела закинуть за спину.

Несмотря на предчувствие отца, которое никогда не подводило старого рыбака, у них не было другого выбора, кроме как сесть в лодку. Юноша, который устроился за веслами, сильно нервничал и шепотом проклинал богов, которые вынудили его заниматься такой работой — незаконно перевозить беглецов из одной провинции в другую.

Как только они преодолели половину пути до скрытой за высокими холмами бухты, их настиг шторм. Мэйлинь крепко схватилась за борт лодки. Она видела перепуганную мать, цеплявшуюся одной рукой за мешки, а второй — за отца, слышала обрывки ругани юноши. Он кричал, что их скраб потопит эту дырявую посудину, и чтобы они немедленно выкинули

эти никчемные вещи, которые нажили с таким трудом. Пара кувшинов, сделанных из тыквы, штаны, юбки и прохудившиеся рубахи.

Волны становились все выше, ветер все сильнее, а голос юноши все злее. Вся одежда пропиталась солью, а веревка с привязанной к ней ракушкой на шее Мэйлинь намокла. Это украшение носили все ныряльщики. Только спокойное лицо отца придавало Мэйлинь мужества и сил, чтобы не разрыдаться среди этого дикого кошмара.

Огромная, черная, покрытая белой пеной волна вздыбилась по левому краю и рухнула у самого борта лодки. Соленая, холодная вода обожгла кожу и Мэйлинь зажмурила глаза, задержав дыхание. Когда она распахнула их вновь, перед ней стоял тот самый гость, которого она видела утром в трапезной.

— Пришла в себя, наконец? — Мужчина скрестил руки на груди, в одной из которых он держал меч, убранный в ножны. — Добавь-ка еще.

Перепуганная Бию зачерпнула ковшом из ведра воду и хотела было вновь плеснуть ее в лицо Мэйлинь.

— Не надо, — Мэйлинь сказала это неожиданно громко, отчего мужчина изогнул бровь, поразившись ее командному голосу. Она больше не находилась в той жуткой комнате. Вероятно, когда ее нашли, то перенесли в другое помещение для допроса. — Я в порядке, господин...?

— Господин Лиджу. — Он упер ножны в плечо Мэйлинь, не позволяя ей подняться со стула. — Не тропись. Сначала ты ответишь на все мои вопросы и только

после этого, возможно, выйдешь из этой комнаты самостоятельно.

Мэйлинь замерла и, заметив за его спиной хозяйку гостиницы, тетушку Ицин, вопросительно на нее посмотрела.

— Этот господин — капитан Ведомства Безопасности. — Голос тетушки Ицин всегда был жестким и спокойным, но сейчас Мэйлинь слышала в нем волнение. — Ты стала свидетельницей преступления, и господин незамедлительно прибыл сюда, чтобы разобраться с произошедшим убийством.

Несмотря на то, что при господине был меч, на нем не было формы Ведомства Безопасности. Он выглядел, скорее, как ученый высокого ранга или сын из богатой семьи.

«Что он тут делал с самого утра и как раз в тот день, когда все произошло?» — подумала Мэйлинь, недоверчиво сощуриив глаза. Раньше она никогда не видела его в числе посетителей гостиницы.

— Хозяйка сказала, что ты работаешь тут пять лет. — Господин Лиджу скрестил руки за спиной. Его тяжелый взгляд было не просто вынести, но Мэйлинь боялась, что если отведет глаза, то тот решит, что она в чем-то виновата. — Как давно ты обслуживаешь номера на втором этаже?

— Она этим не занимается, — ответила за нее хозяйка. — Я еще сама не разобралась, как так получилось, но Мэйлинь прикреплена только к первому этажу.

— Это поэтому, когда мы нашли ее в номере рядом с трупом господина, служанка Бию сказала, что не

знает, кто эта девушка? — Господин Лиджу скривил губы в неприятной улыбке, в то время как пораженная услышанным Мэйлинь в недоумении уставилась на Бию.

— Я лично нанимала Мэйлинь пять лет назад. — На лице хозяйки не дрогнул ни один мускул. — У служанки Бию просто помутился рассудок от увиденного.

— Возможно, и так, а возможно, кто-то из вас лжет. — Ситуация начала приобретать совсем уж скверный оборот. Мэйлинь стала догадываться, что капитан, как и многие законники, просто хочет побыстрее найти виновного и закрыть это дело. Все очарование и красота этого господина, которые она увидела сегодня утром, растворились, как дым.

— Всем выйти из комнаты и ждать моего решения в трапезной. Пока я нахожусь здесь, никто не имеет права покидать гостиницу. Тот, кто ослушается, будет немедленно признан соучастником убийства.

Мэйлинь прибыла в Синтору незаконно и понимала, как поступают с такими людьми. Поэтому она испугалась, когда все вышли из помещения, оставив ее наедине с господином. Второй причиной для волнения было то, что он — мужчина. Конечно, он не станет нападать на нее и насиловать, но вот слухи могут поползти разные. Третьей причиной для беспокойства было то, что она сзянка. На бесправных иноземцев легко повесить преступление. Пусть сзянцы и держались друг друга на чужбине, но особой власти в обществе Синторы у них не было.

Господин Лиджу подошел к ней и склонился, внимательно заглянув в глаза. Сердце Мэйлинь заколотилось, но она выдержала этот взгляд. Его бледные тонкие пальцы коснулись грубого шнура на ее шее, потянули за него — и из-под ворота серого жакета появилась белая ракушка.

— Ты сзянка? — не то брезгливо, не то пораженно спросил капитан.

— Да, господин, — прошептала Мэйлинь и неосознанно прислонила ладонь к горлу, вообразив, как палач накидывает на ее шею петлю.

Карие, почти черные глаза инспектора зажглись недобрым огнем. После чего он наконец отстранился, и Мэйлинь тихо вздохнула, словно только что избежала укуса змеи.

— Расскажи мне все, как было и не смей врать — я сразу это пойму.

Мэйлинь принялась сбивчиво перечислять все действия, которые успела совершить за это утро до обнаружения убитого мужчины. Все это время капитан ведомства сидел на кушетке, стоящей у двери, будто предполагал, что Мэйлинь попробует убежать. Ей казалось, что он не только ни разу не отвел от нее глаз, но даже и не моргнул, будто богомол, что расселся на береговом валуне. В детстве эти насекомые виделись забавными. Они замирали и могли часами смотреть своими выпуклыми зелеными глазками на то, как она перебирает рыбу. Сейчас же Мэйлинь ощущала себя глупой мухой, которая не додумалась вовремя улететь подальше от этого жуткого хищника.

— Почему ты пришла сегодня раньше обычного? Значит ли это, что тебя никто не видел до часа жаворонка?

Неразумная муха подползла к богомолу слишком близко, дав ему шанс на хороший бросок. Мэйлинь отругала себя мысленно, что упомянула о такой детали.

— Да, господин. Но меня видели торговцы у входа в гостиницу, и они могут подтвердить, в каком часу я пришла, — тут же сообразила она. — Я бы просто не успела так быстро все это совершить. К тому же, чтобы пройти из кухни на второй этаж, надо преодолеть трапезную, а так как там сидели вы, то я бы не осталась незамеченной.

— Я сам решу, что возможно, а что нет, — резко прервал ее господин. — Меня не было в трапезной, ты ошиблась. Он сдвинул брови, и Мэйлинь коротко кивнула:

— Я поняла вас, господин. Утром в трапезной был только торговец.

Возможно, он пришел в эту гостиницу по личным делам и сам оказался случайно втянут во все произошедшее. Мэйлинь не знала, почему он хочет, чтобы его присутствие утром в трапезной было забыто, но предпочла согласиться с его утверждением. Спорить с законниками — последнее, на что стоит решаться чужеземцу в этой провинции.

— Мы поступим следующим образом. — Он поднялся и жестом указал ей сделать тоже самое. — Прежде, чем ты выйдешь за эту дверь, я дам тебе два выбора: ты либо признаешься в соучастии в убийстве

господина, — Мэйлинь побледнела и сжала кулаки от злости, — либо ты помогаешь мне разобраться с этим делом. Думаю, что ты выберешь второе. Ты же не хочешь, чтобы тебя казнили, а твою семью посадили в тюрьму.

— При чем тут семья? — Он явно наслаждался собственной властью и бессилием Мэйлинь.

— Вы — сзянцы, а значит, наверняка прибыли в столицу, не имея на то прав. И уж точно занимаетесь тут чем попало: например, торгуете непроверенными лекарствами, насылаете на честных людей проклятия и болезни с помощью странных ритуалов, воруете, занимаетесь проституцией или даже связаны с торговцами тина.

Мэйлинь позабыла, кто перед ней: ее охватил гнев. Она шагнула вперед, подойдя к капитану на непозволительное для простолюдинки расстояние:

— Тот, кто никогда не ощущал ни в чем нужды, легко осуждает человека за то, что он готов совершить любые поступки, чтобы спасти себя и свою семью. Не все бедняки занимаются тем, о чем вы сказали. Мои мать и отец воспитали меня достойным образом, и поэтому я не могу промолчать, слыша, что вы считаете, будто я способна заниматься воровством или чем-то постыдным — это бросает тень на моих родителей. Да, я не родилась в Синторе, не хожу в шелках и не имею хорошую родословную, но я бы никогда не убила другого человека. Вам не удастся меня в этом обвинить.

Она отошла в сторону, коротко поклонилась и направилась к выходу, не дожидаясь разрешения по-

кинуть комнату. Слова господина задели ее сильнее любых нелестных выражений, что она часто слышала от других жителей Синторы. Может, потому что он был очень красивым мужчиной и стоял здесь, словно бог, спустившийся с небес, такой же далекий от всего мирского. От этих мыслей ей еще сильнее захотелось с ним распрощаться. Но как только Мэйлинь потянула на себя ручку двери, рука капитана тут же захлопнула ее обратно. Он стоял позади «глупой мухи», что позабыла свое место. Мэйлинь боялась повернуться к нему лицом, чувствуя, как храбрость покидает ее.

— Ты сделаешь так, как я говорю, иначе и часа не пройдет, как твои родители окажутся такими же преступниками, как и ты. — Его дыхание опалило щеку Мэйлинь, и она зажмурилась, будто надеясь, что господин растворится, как пропадают с первыми лучами ночные кошмары. — Советую приберечь свою дерзость для момента, когда будешь смотреть, как твоему отцу и твоей матери отрубаят руки за воровство и головы — за торговлю тинном.

Он отошел от Мэйлинь и добавил уже спокойным голосом:

— Ты визнаешь для меня, кто в этой гостинице может быть причастен к убийству. Простолодины всегда недоговаривают следователям, часто лгут и притворяются, поэтому тебе будет проще выведать информацию. Я уверен, что тот, кто в этом замешан, либо работает здесь, либо имеет тут своих людей. Аккуратно поспрашивай, послушай сплетни и сообщи потом мне. Приходили ли к этому господину гости,